

Такой же прием «подхватывания» слов Достоевский использует и в других произведениях, например, знаменитое «Мир спасет красота» в романе «Идиот»: «[Ипполит] Правда, князь, что вы раз говорили, что мир спасет “красота”?» [Идиот. Т. 8. С. 317]. Сам же Мышкин этих слов не произносит, их повторяет Ипполит, что, конечно, не случайно. В этом своеобразный прием создания афоризма Достоевским: то, что повторяется, уже в определенной степени является значимым.

Афоризмы, используемые в основном в функции аргументации, мы часто встречаем у Горянчикова (Записки из Мертвого дома), Хроникера (Бесы), Смешного человека (Смешной человек), других персонажей, где наиболее отчетливо проявляется позиция автора, непосредственно обращающегося к читателю, в отличие от, например, аналогичной их функции в речи Ивана Карамазова в его диалогах с Алешей, где как раз и возникает известное «Не стоит она [гармония] слезинки хотя бы одного только того замученного ребенка» [Братья Карамазовы. Т. 14. С. 223]. Здесь образ автора глубоко скрыт, и само высказывание вряд ли уже можно считать афоризмом Достоевского, его понимание зависит от той функции, которую оно выполняет в конкретном контексте.

Функция афоризма, которую мы обозначили как дидактическую, может заключаться в стремлении научить чему-то, желании изменить точку зрения другого. Употребление афоризмов в такой функции мы находим, например, у Макара Ивановича и старца Зосимы: «[Макар Иванович] Деньги хоть не бог, а всё же полбога – великое искушение» [Подросток. Т. 13. С. 311]; «[Старец Зосима] Любовь такое бесценное сокровище, что на нее весь мир купить можешь, и не только свои, но и чужие грехи еще выкупишь» [Братья Карамазовы. Т. 14. С. 48]; «[Из Жития старца Зосимы] ...воистину всякий пред всеми за всех виноват, не знают только этого люди, а если б узнали – сейчас был бы рай!» [Там же. Т. 14. С. 270]. Много таких афоризмов и в диалогах Версилова с сыном Аркадием: «дурак всегда доволен тем, что сказал, и к тому же всегда выскажет больше, чем нужно; про запас они любят» [Подросток. Т. 13. С. 102]; «Друг мой, любить людей так, как они есть, невозможно. И, однако же, должно. И поэтому делай им добро, скрепя свои чувства, зажимая нос и закрывая глаза» [Там же. С. 174]; «Любить своего ближнего и не презирать его – невозможно. (...) человек создан с физической невозможностью любить своего ближнего» [Там же. С. 175].

Причина частого появления высказываний, обладающих свойствами афоризма, у Кириллова объясняется тем, что Достоевский, раскрывая данный образ, максимально редуцировал речь персонажа, доведя до предельного лаконизма, часто нарушающего нормы лексической и грамматической сочетаемости: «Кто победит боль и страх, тот сам бог будет»; «Жизнь есть боль, жизнь есть страх, и человек несчастен. Теперь всё боль и страх. Теперь человек жизнь любит, потому что боль